

дого образцового автора. Так, этого мотива нет ни в идиллиях г-жи Дезульер в переводе А. Ф. Мерзлякова,³⁴ ни у В. И. Панаева.³⁵ Отзвук мотива находим уже в романтическую эпоху в стихотворении В. Г. Бенедиктова «К А. П. Г<артонг>» (1839). Страдающий от любви герой стихотворения сообразно с модой времени переживает свою печаль уже не в идиллической роще, а в более романтических горах, на Чатырдаге в Крыму:

Там, средь природы колоссальной,
На высях гор, на ребрах скал,
Оставил я мой след печальный
И ваше имя начертал,
И после — из долин метались
Мои глаза на высоты,
Где мною врезаны остались
Те драгоценные черты.

Герой, впрочем, надеется, что его возлюбленная когда-нибудь окажется в этих местах:

И вы найдете те скрижали,
Где, проясняя свой удел
И сердца тайные печали,
Я имя ваше впечатлел.
Быть может, это начертанье —
Скалам мной вверенный залог —
Пробудит в вас воспоминанье
О том, кто вас забыть не мог!³⁶

Бенедиктов не обратил внимания на очевидное противоречие между романтическим ландшафтом и сентиментальным поведением героя, мысли и действия которого повторяют схемы пастушеской поэзии. Материал для вырезания имени непременно должен быть недолговечным и потому связан с живой природой. Русской литературе XVIII—первой трети XIX века известны и более эфемерные, чем древесная кора, материалы, на которых начертывалось (или грезилось вырезанным) имя возлюбленной.

На цветах и травах:

В луга, в долины, в рощи, горы
Ты, Эхо, песни разнеси,
Ты имя хвальное Лидоры
И ей любезного гласи!
Силен приятно свирелью
И соловей различной трелью,
Пусть их стократ изобразят
Цветы, кустарники, дубравы,
Листы древес, и мягки травы
Пусть на себе их имя зрят.³⁷

³⁴ См.: Дезульер А. Идиллии. М., 1807.

³⁵ См.: Панаев В. Идиллии. СПб., 1820.

³⁶ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 204—205.

³⁷ Идиллия. Лидора // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 2. С. 30.